



Анна Мамаенко

ДОХИВ

КАМЕННЫЙ ВЕК

Пещерное, вольное племя.
Лица красны от мяса и огня.
На сводах начертаны сцены удачной охоты.
И мамонта крик
запечатлен в мертвом взгляде
молодого охотника, лежащего тут же, на
окровавленных шкурах.
Знающий говорит с духами предков.
Духи молчат.
Их тени мечутся над костровищем.
Падают в красное, становятся черным
(много столетий спустя человек назовет это горем)
Один из живых рисует поверженного зверя.
У мамонтов тоже — горе.
Охотники знают об этом и обращаются равно
к духам ушедшего воина и ушедшего зверя.
Пока им дано вольное право
не делать различий.
Единые предки кружат над костром.
Молодая земля одинаково любит детей своих.
Одну кашу варила, одних деток кормила.
Этому — дала, этому — дала и этому — дала.
Человек — сам возьмет.

ВАГОНОВОЖАТЫЙ

Ветер разносит письма по выбывшим адресатам.
Вороны в серых жилетах важничают в траве.

Погонщик трамваев опять ведет караван куда-то,
и паутинка трепещет на мятом его рукаве.

В мятных его глазах обитают столицы мира.
Туда он очень хотел бы, но ему не повезло —
куда бы он ни пошел, за ним пустая квартира,
голодная кошка и безумно надоевшее ремесло.

Трамваи его встречают тихим и нежным звоном,
он знает все их приметы и всем дает имена.
Он выглядел бы вполне симпатичным определенно,
если бы не сидел всю ночь напролет у окна.

Невеста его сбежала к туристическому агенту.
А у него остались путеводители городов,
где он никогда не будет — ни в Токио, ни в Сорренто,
ни даже в Тихопропащенске,
где ни рельсов, ни проводов...

●

Остов шотландского замка,
затерянный в пустошах вереска.
Кирпичи, обросшие мхом,
впитавшие запах железа
и цвет заходящего солнца.
Дорога уходит высоко
в облака наливные.
Овечьи стада
проливаются пеной молочной
на эту каменистую
древнюю пустошь,
монастырскую,
строгую, как образа
в небесах грозových,
молниеносных,
навалившихся грудью
на расколотый надвое камень
неведомого надгробия

тана великого,
ушедшего в дальние земли.
Где войско его полегло —
там бляение и вереск,
и полчища муравьев у его изголовья
принимают присягу на верность
этой вороньей земле,
где хлопанье крыльев
похоже на топот коней,
возвращающихся с далекой небесной охоты.
Волянка играет древний суровый напев:
«о, шотландская наша земля,
ты уже далеко за холмами!..»

ПУТЬ СКАЗОЧНИКА

Ночь — пауциное время. Ящеричный июнь.
Лунная падалица раскатится по траве.
Выйди в чистое поле, перекрестись да сплюнь.
И поклонись корням — ворону да сове.

Встань на траву примятую, молча прими рассвет.
Долго ли, коротко, путь катится из-под ног.
Вышел на край земли, а там ни рожна нет.
Только дуб на цепи круглый мотает срок.

Вот тебе трын-трава, перекаати-район.
Душу свою усмири, да подальше упрячь.
Здесь, где в ночи полег наших теней батальон,
если сумеешь — пой, если не можешь — плачь.

Прошлого не вернуть, хоть головой об стол.
Ежели на себя с рогатиной не ходил,
Сирином не запел, папоротником не цвел,
и ни одной, дурак, сказки не сочинил.

Полно искать концы, где и начала нет.
Завтра тебя убьют, или же пощадят.

Вороново молоко твой заполняет след.
Испившие из него сказками говорят.

ЛИСАРХ

По домам заброшенным, славный и босой,
ходит, словно время, человек с лисой.
По пустынным землям и по городам.
По раскатам грома. По чужим следам.

С рыжею лисою ходит по земле.
Он всегда — и трезвый, и навеселе.
Тянется на запад, бродит на восток
он одновременно. Я бы так не смог.

У него в кармане прячется лиса.
И в запасе — вечность (ровно полчаса).
Ливень бьет наотмашь. Грозная вода
смоет человека раз и навсегда.

А лиса таращит хитрые глаза.
Острыми зубами щелкает лиса.
Нужный, словно громкий прошлогодний смех,
молнию в кармане носит человек.

И горят деревни за его спиной.
Горько плачут дети, падая золой.
На погосте древнем, у разбитых плит
человек с лисою безмятежно спит.

Просыпаясь, гладит рыжего зверька.
Потому что добрый он, наверняка.
Потому что знает — всякому свой час.
Потому что любит каждого из нас.

ПЕРЕВОЗ

Станиславу Чумакову

Лифт грузовой. Механическая ладья
с усталым Хароном внутри.
Снизу — вверх, сверху — вниз, из Аида в Аид...
Дверь замыкается с лязгом, отсекая влажные души
от внешней — ревущей, хохочущей,
в берега молотящейся жизни.
Отцеженный свет сквозьпыльных решеток слою.
Квадратики тени и света — шахматы с Богом.
Всегда неминуемый мат,
шелушащий промозглые стены.
Харон нажимает на кнопку
и раз в месяц
получает плату за перевоз
в бухгалтерии пыльной.
Цербер вышел в отставку.
Три головы — слишком умный.
По заплеванному коридору
тащатся души
и тщатся увидеть — куда их...
По берегам — только урны
с прахом усопших окурков.
За пыльным окном — пух тополей —
теперь дефицит асфodelей.
Аид неприкаянный бродит по лестницам темным
в полной безвестности.
В его кабинете — ремонт,
и ворохи дел пожелтевших
волнуются, падая на пол с изрезанной крышки стола.
В канцеляриях — тихо.
И только над дверью
двустворчатой,
словно раковина-жемчужница,
светится странное —
ДОХЫВ.